

П. П. Шкаренков

РИМСКАЯ ТРАДИЦИЯ ОБРАЗА ИДЕАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЯ В ОСТГОТСКОЙ ИТАЛИИ

Изучая историю культуры различных эпох, невозможно обойтись без тщательного исследования накопленных данной культурой способов восприятия и осмысления собственного опыта. Когда речь идет об античной традиции, которая на протяжении всего своего более чем тысячелетнего существования оставалась прежде всего культурой слова, невозможно подходить к историческим свидетельствам без учета той формы, в которой они до нас дошли; иными словами, античные памятники – это, в свою очередь, текст, существующий не только в своем соотношении с исторической реальностью, но и как самостоятельная величина, управляемая своими собственными законами. Законы эти прежде всего определяла система античной риторики, и без понимания тех рамок, которые она налагала на любого античного автора, невозможно реконструировать и круг его интересов, и тот взгляд на действительность, который был ему свойственен. «В римском мире риторика была не только частью образования, но неотъемлемым элементом образа жизни, сопровождавшим свободного римлянина от рождения до смерти, необходимым компонентом системы государственной власти и морали. Риторика оказалась тем шлюзом, через который в христианизировавшуюся культуру Западной Европы вливалось интеллектуальное влияние языческой античности. Риторическая культура “взяла в плен” отцов западного христианства и во многом повлияла на облик формировавшейся средневековой культуры»¹.

Эпоха V–VI вв., которую обычно в историографии принято называть переходом от античности к средневековью, была одним из самых серьезных и грандиозных переломных периодов за всю историю человечества. Именно с этим временем связывают падение Римской империи, называя его «эпохой кризиса античной культуры». «Падение Римской империи» – понятие довольно растяжимое и неопределенное.

Тем не менее никто не станет отрицать, что падение Римской империи действительно было самым большим историческим переломом в истории Европы, которая вступила в IV в. античной цивилизацией, а вышла из VI в. уже тем миром, который в перспективе станет цивилизацией средневековья. События, случившиеся за эти неполные триста лет, с одной стороны, создавали новую, отличную от всего предшествующего, политическую и культурную реальность, с другой – требовали иного подхода к осмыслению и изображению этой реальности. Окружающий мир стремительно менялся: на смену рах *Romana* – монолитной и стабильной политической системе римской государственности – заступали разрозненные и политически обособленные варварские королевства, которые, постоянно враждуя между собой, вели римский мир и античную культуру к упадку. Поэтому особое внимание в нашей работе уделяется проблемам преемственности власти и государственной традиции, которые в последние годы находятся в центре внимания мировой исторической науки.

¹ Уколова В.И. «Последний римлянин» Боэций. М., 1987. С. 19.

«Рубеж V–VI вв.» – цельная и замкнутая в себе эпоха. После внутренних неурядиц и тяжелых внешних неудач середины V в., когда казалось, что империя ломается и рушится, Теодорих нашел основание для новой жизни римского мира в области государственного устройства и управления. Новый мир незаметно возникал на месте древнеримского – мир, которому суждено было существовать нормально всего полстолетия и который с середины VI в. уже распался под влиянием причин внутренних, заложенных в нем самом, и внешних, связанных с византийским вторжением.

Возникновение Остготского королевства в Италии, сколько бы ни говорили о его «проримском» характере, слабости и недолговечности, все-таки создало новую историческую ситуацию. Хозяевами уже не на периферийной территории, но в самом сердце римского мира стали варвары, утвердив свое собственное политическое господство (римскими императорами варвары бывали и раньше, но теперь их вожди становились законными варварскими правителями Италии). Позднеримская и раннесредневековая Италия V–VI вв. – исключительно важный для дальнейшего развития Европы регион «диалога культур и цивилизаций». Являясь наряду с Грецией колыбелью античного мира, она под властью остготов стала передатчиком богатейшего наследия античности будущей средневековой цивилизации. Процессы трансляции культурного опыта, его трансформация и адаптация к потребностям времени представляют неизменный интерес для исторической науки.

Основной отличительной особенностью Остготского королевства является чрезвычайно высокая степень его романизации. Располагаясь в сердце римской цивилизации, остготские владыки были вынуждены в целях поддержания внутренней стабильности в королевстве провозгласить себя преемниками и защитниками традиционной римской системы ценностей, в которой идеи четкой организации государством социальной и политической жизни общества занимали не последнее место, «хотя римский мир распался, универалистская идея римской государственности продолжала жить в общественном сознании эпохи»².

Считая залогом политической стабильности в своем королевстве союз готов и римлян, объединенных в одном государстве, Теодорих всеми силами пытался подчеркнуть естественную преемственность своего государства с Поздней Римской империей во всех областях государственной и общественной жизни. В остготской Италии в неприкосновенности остались и римская система права, и организация центрального и местного управления, и крупное сенаторское землевладение³. Обращаясь от лица короля к населению страны Кассиодор писал:

² Уколова В.И. Культура остготской Италии // СВ. 1983. 46. С. 6; см. также Удальцова З.В. Раздел земель между остготами и римлянами в Италии в конце V века // СВ. 1956. VIII. С. 44: «Большая часть длительного, 33-летнего правления этого остготского короля (Теодориха. – П.Ш.) знаменуется политическим сближением остготской знати с римской земельной аристократией и отличается значительной “веротерпимостью”, что являлось свидетельством стремления правительства Теодориха поддержать благожелательные отношения с католической церковью».

³ И.А. Дворецкая указывает, что, стараясь установить согласие между землевладельцами римского и варварского происхождения, Теодорих дал единую правовую защиту имущественным интересам местного населения и завоевателей-поселенцев (Дворецкая И.А. Западная Европа V–IX веков. Раннее средневековье. М., 1990. С. 126). См. также Удальцова З.В. Италия и Византия в VI веке. М., 1959. С. 220–225; она же. Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в. // ВВ. 1956. Т. 9. С. 78–116; Шкаренков П.П. Римский сенат и сенаторская аристократия в остготской Италии // Новый исторический вестник. М., 2001. № 2. С. 45–63.

«Вам всем следует без сопротивления подчиняться римским обычаям, к которым вы вновь возвращаетесь после длительного перерыва, ибо должно быть благословенно восстановление того, что, как известно, служило процветанию ваших предков. Обретя по божественному соизволению древнюю свободу, вы опять облачаетесь в одеяния римских нравов...»⁴.

Ни одна из работ, посвященных истории остготской Италии, особенно в руне истории власти и государственной традиции, не обходится без более или менее частых ссылок на «*Variae*» Кассиодора, являющиеся нашим основным источником по данной эпохе и проблематике. Тем более кажется странным, что никто еще не пытался комплексно рассмотреть проблему теоретических оснований королевской власти в Остготском королевстве. Наряду с информацией об экономическом, социальном и политическом положении в Остготском королевстве «*Variae*» включают в себя еще один пласт, представляющий для нас наибольший интерес и содержащий то, что П. Курсель назвал «теоретической базой нового правления»⁵, в которой фигура короля занимала центральное место. Действительно, стоит ли специально говорить о том, какую важную роль играл личностный фактор при становлении ранних варварских королевств. Для Италии же это обстоятельство и вовсе оказалось решающим, так как Теодориху власть была делегирована императором Византийской империи Зеноном, законным представителем которого он и пришел в сердце римской цивилизации. К тому же дуалистический характер готто-римского государства позволил королю занять позицию арбитра, исключительно благоприятную для установления и поддержания личной власти.

Организация и идеология государственной власти в Остготском королевстве уже были достаточно подробно описаны в книге В. Энслина⁶, и делать это еще раз нет никакой необходимости. Цель данной статьи – не показать, как функционировало Остготское государство и что оно из себя представляло в реальности, а проследить, как под пером Кассиодора формируется образ идеального носителя королевской власти в остготской Италии. Если учесть, что Остготское королевство с его политической, социальной и культурной неоднородностью представляло собой очень сложную систему связей, в высшей степени чувствительных к любым переменам, и что изменение каких-то отдельных частей этой системы всегда было чревато опасностью распада целого, то можно констатировать, что здесь на самых различных уровнях политической и социально-культурной деятельности закономерно сложились прагматические модели поведения, хорошо приспособленные к реальной многосоставности государственных структур, демонстрировавшие умение сопроводить любое решение оговорками, призванными умиротворить сторонников иного подхода к делу, и всегда следовавшие простому правилу безопасности: по возможности воздерживаться от сколько-нибудь существенных нововведений.

«*Variae*» Кассиодора дают нам уникальную возможность увидеть не только то, чем была остготская монархия сама по себе, но и чем она хотела быть, и, наконец, то, какими средствами конструировался или даже режиссировался ее образ одним из наиболее образованных людей эпохи. Именно этот последний ас-

⁴ *Cassiod. Var. III. 17* (пер. В.И. Уколовой).

⁵ *Courcelle P. Histoire littéraire des grandes invasions germaniques. P., 1964. P. 207.*

⁶ *Ensslin W. Theoderich der Grosse. 2^{ed}. München, 1959. P. 152–212.*

пект интересует нас прежде всего⁷. Иными словами, мы рассмотрим «*Variae*» как попытку вписать новое королевство в традиционную римскую систему ценностей и римскую же систему государственного управления⁸.

При этом следует иметь в виду, что недостаточно разделить конкретную государственную практику, где главной движущей силой был сам Теодорих, и теорию, в которой приоритет отдается риторике Кассиодора. Риторика выступает здесь не как средство передачи стереотипных приемов мышления, а сам Кассиодор оказывается не просто панегиристом, как часто называют его многие исследователи, прославляющим принципы государственного строительства, осуществляемые Теодорихом. Риторика Кассиодора не была ни пустой, ни рабочей, поскольку она сама по себе является создательницей определенного образа королевства и идеи королевской власти. Образ, созданный и сохраненный в произведении, в художественной литературной форме, пребудет вечно⁹. Таким образом, риторика является одним из элементов королевского престижа. Жизнедеятельность человека может быть вполне реальной, и велики могут быть его заслуги, но если герой не возвысился до уровня совершенного, чеканного, риторического образа, то его «поглотит» действительность, которая не облагорожена искусством риторики и потому останется глухой и преходящей. По мнению Г.С. Кнабе: «В античном мире риторика обладала не только эстетическим и литературно-лингвистическим смыслом; она играла роль также определенной модели культуры. Риторическая система норм и правил была пригодна к оформлению любого материала и могла обслуживать самые разные творческие индивидуальности, подчиняя поиски, стремления и находки каждого единому канону»¹⁰.

Но остановиться на этом, значило бы недооценить глубинную цель Кассиодора. Его главной задачей было не прославление короля, по крайней мере не слава ради славы занимала его. Ни один из документов не свидетельствует о каком-либо интимном обожании, глубокой личной привязанности Кассиодора к Теодориху или его преемникам, как, например, полные искреннего пыла и воодушевления тексты Эннодия. Это не мешает убедительно и с размахом создавать идеализированный литературный портрет государя, но тон этого повествования остается холодным. Иногда высказывается мнение, что Кассиодор был обыкновенным придворным льстецом без каких-либо собственных принципов. Но тогда следует добавить, что его лесть не достигла значительного успеха, поскольку карьера Кассиодора при Теодорихе не отличалась постоянством¹¹. Скорее мы видим перед собой портрет порядочного человека, озабоченного больше своей литературной репутацией, славой писателя и стилиста, к которой он апеллирует всякий раз, когда речь заходит о целях написания «*Variae*». Наиболее

⁷ О составе и структуре «*Variae*» Кассиодора см. подробнее: *Шкаренков П.П.* «*Variae*» Кассиодора в контексте позднеантичной интеллектуальной культуры // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 2. М., 2000. С. 95–109.

⁸ Там же. С. 105–107.

⁹ *Шкаренков П.П.* Риторический стиль и конструирование исторической реальности на рубеже античности и средневековья // Дискурс. Коммуникативные стратегии культуры и образования. 2002. № 10. С. 24–31.

¹⁰ *Кнабе Г.С.* Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 1999. С. 115.

¹¹ Подробнее о служебной карьере Кассиодора в остготской Италии см. *Шкаренков П.П.* Флавий Кассиодор: римский сенатор в эпоху крушения Империи // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 8. М., 2002. С. 391–407.

правдоподобным кажется предположение, что Кассиодор писал «*Variae*» не для короля, а для своей родины. Им руководит отнюдь не желание польстить и, конечно же, не ослепление «новообращенного». «*Variae*» – это произведение человека, пронизанного идеалами римской государственности, который хочет жить, надеяться и верить, что окружающий его мир вечен и неизменен, что современная ему ситуация представляет собой не столкновение различных исторических, политических и личностных начал, а плодотворное взаимодействие, сулящее в перспективе процветание для Италии.

На протяжении остготского владычества римская аристократия была разделена на два лагеря. С одной стороны те, чьи надежды и чаяния об изгнании готов и освобождении с помощью Восточной Римской империи были связаны с Константинополем, а с другой – те, кто, как Кассиодор, были больше привязаны к Риму, чем к собственно к империи, мечтали о независимости Италии и стремились к сотрудничеству с готами. Не теряя надежду на лучшие дни, их гордость требовала, чтобы тот строй, при котором они жили, получил бы свое идеализированное литературное воплощение, представляющее не реальное многообразие политики и идеологии, а их «культурную» модель, сохраняющую лучшие, по их представлениям, черты государственного устройства и способов организации различных сторон жизни. В завуалированной форме они ставят под сомнение претензии императора Восточной Римской империи на власть над Западом, опираясь в то же время на традиционную римскую модель государственной жизни и культуры, с ней связанной. Все это объясняет ту осторожную двусмысленность, с которой Кассиодор создает образ Теодориха в «*Variae*»: юридическая фикция императорского суверенитета вынуждает его придерживаться определенных образцов, готовых словесных и идеологических стереотипов, тогда как собственные взгляды и убеждения, склоняют его к тому, чтобы в интересах короля готов обратиться к политическим идеалам эпохи Принципата.

Основное идеологическое напряжение «*Variae*» заключается в тонкой стилистической игре автора на королевском титуле Теодориха и его преемников. Задача, надо заметить, изначально не из легких. Для Римской империи слово «гех» содержало в себе намек на узурпацию власти, что, безусловно, не могло приветствоваться в Константинополе, но особенно оскорбляло патриотические чувства провизантийски настроенной римской знати. Для интеллектуалов понятие «гех» было неразрывно связано с тиранической формой правления, что ясно проявилось в «Утешении философией» Боэция. Наконец, для всех римлян, независимо от их образования и социального положения, как на Востоке, так и на Западе, королевская власть являлась синонимом варварского господства. Перед Кассиодором, таким образом, стояла задача попытаться как-то нейтрализовать эти без сомнения негативные ассоциации, связанные с термином «гех». Нужно было найти что-то такое, что примирило бы сам факт установления в Италии готской королевской власти с образом мысли и чувствами римского народа. Речь могла идти только о том, чтобы стереть всякую память о гех Gothorum и создать вокруг титула гех систему гармонично связанных с римской традицией ассоциаций. В этом смысле «*Variae*» занимают особое место в истории политической мысли, так как представляют собой попытку включить в традиционную римскую систему представлений новый образ королевской власти. Для реализации подобной программы требовалось исключительное политическое и стилистическое мастерство и богатое воображение.

Победив Одоакра и получив признание Константинополя, Теодорих оказался достаточно прозорливым, чтобы понять, каким принципам он должен следовать, управляя Италией. Не разрушать, а восстанавливать и не отменять, а сохранять – в этом суть проводимой им политики, которая известна нам благодаря «*Variae*» Кассиодора. Но для нас важны не действия Теодориха сами по себе, а избранная Кассиодором манера их изложения. Под пером Кассиодора создается новая политическая реальность, накладывающаяся на событийный ряд, никогда не воплощенная в реальной жизни, но и не абсолютно ей чуждая, в которой общественно-историческая эмпирия обретает всю свою полноту. Во всех деяниях Теодориха Кассиодор усматривает следование определенному культурно-историческому идеалу. Все его действия – проявление его королевской природы, важным оказывается не то, что он имеет титул гех, а то, что он представляет собой воплощение всех качеств, присущих идеальному государю. На формирование этого комплекса идей и представлений, которые мы формулируем, конечно, более четко и прямолинейно, чем Кассиодор, сильнейшее влияние оказала античная политическая теория и философская традиция неоплатонизма, столь популярная в позднем Риме. Устойчивостью стилизованных форм, характерных для римской канцелярской риторики, на которую указывает В. Энслин, дело не исчерпывается¹². Стиль не складывается на пустом месте, и если он сохраняется и даже становится еще более цветистым в сочинениях Кассиодора, то происходит это из-за того, что лежащие в его основании идеи были еще актуальны, отражаясь в формах мышления и поведения¹³. Интеллектуальный ренессанс, переживаемый остготской Италией в первой трети VI века, отразился и на политической жизни¹⁴.

В этом заключается и принципиальная новизна, и хрупкость системы, создаваемой Кассиодором и Теодорихом. Ее эффективность зависит от одного единственного человека, который готов соотносить свои действия с идеальным образцом, нормативом поведения благого правителя. В тот день, когда правитель перестанет считать себя обязанным соответствовать этим требованиям, система управления, сложившаяся в Италии благодаря Теодориху, рухнет. В эпоху империи, напротив, император мог быть хорошим или плохим. Его образ действий порой доставлял подданным некоторые неудобства, но не подвергал опасности саму основу политического равновесия, которое опиралось на гораздо более мощный фундамент. Соответствие поведения государя идеальному образцу было желательным, для Теодориха же оно стало необходимостью. Изменилось

¹² *Ensslin*. Theoderich der Grosse. S. 155. См. также прекрасную работу А. Фрида (*Fridh Å.J.* Terminologie et formules dans les «*Variae*» de Cassiodore: études sur le développement du style administratif aux derniers siècles de l'antiquité. Stockholm, 1956. P. 60). Автор сравнивает терминологию Кассиодора с терминологией, принятой в римском имперском делопроизводстве, и приходит к выводу, что Кассиодор тщательно следует традиции, сложившейся именно в Западной Римской империи. Эта традиция существенно отличается от практики, распространенной на Востоке. Более того, А. Фрид подчеркивает, что в документах остготской Италии используется больше формул, чем в «Новеллах» Юстиниана (*Ibid.* P. 59).

¹³ *Шкаренков П.П.* «*Variae*» Кассиодора в зеркале риторики: к вопросу о рефлексии стиля в позднеримской риторической традиции // Парадигмы. Сб. научных работ. Тверь, 2000. С. 6–15.

¹⁴ Об остготском «ренессансе» см. *Уколова В.И.* Особенности культурной жизни Запада (IV – первая половина VII в.) // Культура Византии IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 78–97; *она же.* Культура остготской Италии. С. 5–12; *Courcelle P.* Les lettres grecques en Occident de Macrobe à Cassiodore. P., 1943. P. 257–287.

и значение риторики, поскольку изменились основания власти: императора делала империя, а король создает свое королевство сам. Воспроизводя формулу Цицерона, Кассиодор провозглашает: «Легче природе, если можно так сказать, допустить ошибку, чем правителю создать государство не похожее на него самого»¹⁵. Королевство, таким образом, представляет собой образ короля. Соответствие идеальному образцу отличает короля от тирана, *legales domini* от *barbari reges*. Этот идеал должен быть зафиксирован в риторически организованном слове, ибо только ясная, эстетически совершенная форма делает содержание общественно значимым, понятным окружающим и потому единственно реальным¹⁶.

С другой стороны, король ориентируется на императора, в котором заключается источник и модель королевской власти. Именно в этом смысл знаменитой фразы из послания к императору Анастасию, которым открываются «*Variae*»: «*Regnum nostrum imitatio vestra est, forma boni propositi, unici exemplar imperii, qui quantum vos sequimur, tantum gentes alias anteimus*»¹⁷. Это письмо, возможно, было написано после войны за Сирмию, которая серьезно обострила отношения между Равенной и Константинополем. Цель письма, таким образом, восстановить отношения, напомнить и акцентировать то, что объединяет Остготское королевство и империю.

Намерение автора послания сомнений не вызывает, но тщательное изучение текста показывает, что в нем лаконично и очень тонко изложены принципы взаимоотношений империи и королевства. Первое наблюдение заключается в том, что для изложения своей концепции Кассиодор пользуется философской, а не политической терминологией. Слова *imitatio*, *propositum*, *forma* и *exemplar*, в общем-то в латинском языке обиходные, соединяясь в данном контексте, используются в своем терминологическом значении. Любопытно, что теми же самыми словами (с заменой *exemplar* на *exemplum*) излагается теория искусства Аристотеля. Искусство – это имеющее цель (*propositum*) подражание (*imitatio*) образцу (*exemplum*) посредством формы (*forma*)¹⁸. Приводимый ниже фрагмент из Сенеки прекрасно объясняет разницу и иерархию понятий *exemplar* и *forma*: «...Слушай внимательно, что такое εἶδος, и в том, что это вещь не простая, обвиняй не меня, а Платона. <...> Только что я приводил для сравнения живописца; если он хотел изобразить красками Вергилия, то глядел на самого поэта. Идеей было лицо Вергилия – образец будущего произведения; а то, что извлек из него художник и перенес в свое произведение, есть εἶδος. Ты спросишь, какая между ними разница? Идея – это образец (*exemplar*), а εἶδος – это облик, взятый

¹⁵ *Cassiod. Var. III. 11*: «*facilius est quippe, si dicere fas est, errare naturam quam dissimilem sui princeps possit formare rem publicam*». В. Швербаум отмечает, что эту максиму, заимствованную у Цицерона (*Cic. De re publica I. 47*: «*et talis est quaeque res publica, qualis ejus aut natura aut voluntas, qui illam regit*»), приносит у него сторонник демократии, говорящий ее для обличения королевской власти (*Suerbaum W. Vom antiken zum frühmittelalterlichen Staatsbegriff. Über Verwendung und Bedeutung von respublica, regnum, imperium und status von Cicero bis Jordanis. Münster, 1977. S. 265–266*).

¹⁶ *Cassiod. Var. IX. 21*: «*Grammatica magistra verborum, ornatrix humani generis, quae per exercitationem pulcherrimae lectiones antiquorum nos cognoscitur juvare consiliis. Hac non utuntur barbari reges; apud legales dominos manere cognoscitur singularis*»; *IX. 25*: «*gloriosus quippe dominis gratiora sunt praeconia quam tributa, quia stupendium et tyranno penditur, praedicatio autem nisi bono principi non debetur*».

¹⁷ *Cassiod. Var. I. 1*.

¹⁸ См. *Grimal P. Essai sur l'Art Poétique d'Horace. P., 1968. P. 42, 46*. См. также *ThLL. VI. 1. Col. 1084 (forma) и V. 2. Col. 1323 (exemplar)*.

с него (*forma ab exemplari sumpta*) и перенесенный в произведение. Идее художник подражает, εἶδος создает (пер. С.А. Ошерова)¹⁹. Это соотношение *exemplar* – ἰδέα и *forma* – εἶδος не всегда строго выдерживается. Так, Цицерон предлагает переводить ἰδέα как *forma*²⁰. Иногда *forma* и *exemplar* (или *exemplum*) выступают фактически как синонимы. Возможно, так обстоит дело и в нашем случае²¹. Важно, однако, подчеркнуть, что если *forma* может иметь значение ἰδέα, т.е. модели, образца в смысле их воспроизведения, то, напротив, *exemplar-exemplum* всегда имеет значение «идея», «модель». В рассматриваемом нами фрагменте «*Variae*» слова «*unicū exemplar imperiū*», как кажется, не могут значить «воспроизведение единой империи». Мы полагаем, что выражения «*forma boni propositi*» и «*unicū exemplar imperiū*» относятся не к *regnum* Теодориха, а к самой империи. Что касается грамматической конструкции, то *forma* и *exemplar* представляют собой приложения к *vestra* (= *vestri*) или, что еще проще, стоят в звательном падеже.

На первый взгляд может показаться, что это не имеет большого значения. Относятся ли два обсуждаемых выражения к королевству Теодориха или к империи, все равно суть не меняется: королевская власть всегда является *imitatio* императорской. Тем не менее отметим, что все-таки не совсем одно и то же сказать, что королевство представляет собой копию единой империи, или сказать, что оно является подражанием империи, где император оказывается архетипом единой императорской власти, представляющей собой единственный способ управления, достойный римлян. В первом случае акцент ставится только на копировании империи, которым занимается Теодорих; во втором добавляется еще и определение самой империи, причем определение чрезвычайно примечательное, поскольку основано исключительно на философских и этических категориях, заведомо исключающих всякое обращение к юридическим аспектам.

Помещая империю в сферу платоновских идей, Кассиодор рассматривает императора и короля в одной и той же системе ценностей. Какое имеет значение разница титулов, если и тот, и другой следуют одному и тому же единому образцу. Речь идет вовсе не о признании сюзеренитета императора и провозглашении единства империи в смысле единства территории²². Конечно, слово *imitatio* в сочетании с *sequitur* на первый взгляд используется, кажется, для того, чтобы польстить императору. В действительности же, если внимательно рассмотреть значения слов, мы заметим, что Кассиодор, намеренно используя философскую терминологию, практически сводит на нет конституционно-юридический смысл своих утверждений. Бесспорно, для императора лестно считаться моделью и образцом, но перенесенный таким образом из сферы реальной политики в область идей, он, возможно, предпочел бы иметь более существенные подтверждения своей власти.

¹⁹ *Sen. Ep. LVIII. 20–21*: «*Quid sit hoc idos, attendas oportet et Platoni in putes, non mihi, hanc rerum difficultatem... Paulo ante pictoris imagine utebar: ille cum reddere Vergilium coloribus vellet, ipsum intuebatur. Idea erat Vergiliū facies, futuri operis exemplar: ex hac quod artifex trahit et operi suo imposuit, idos est. Quid intersit quaeris? Alterum exemplar est, alterum forma ab exemplari sumpta et operi imposita: alteram artifex imitatur, alterum facit*».

²⁰ *Cic. Or. 10*: «*Has rerum formas appellat ἰδέας ille non intelligendi solum sed etiam dicendi gravissimus auctor et magister Plato...*».

²¹ Ср. *Ennod. Vita Epiph. 38*: «*Vive tu tamen, vive, exemplum et forma honorum operum*». См. также *Boet. Cons. III, metr. IX* (описание творения Бога-творца): «*...insita summi / Forma boni livore carens, tu cuncta superno / Ducis ab exemplo*».

²² Как это полагал В. Швербаум (*Suerbaum. Op. cit. S. 250*).

Вся система аргументации в этом послании выстраивается так, чтобы поместить императора как можно выше, чтобы у него даже и не возникало искушение спуститься на грешную землю, по крайней мере в Италии. Несколькими строчками выше Кассиодор отмечает, что Теодорих получил в Константинополе достаточную подготовку, чтобы править в Равенне, следуя императорскому образцу: «Вы являетесь самым прекрасным украшением всех королевств, вы – оплот спасения всего мира, вами справедливо восхищаются все другие владыки, поскольку они видят в вас что-то уникальное, и особенно мы, ибо изучили, с Божией помощью, в вашей республике способ управлять римлянами в соответствии со справедливостью»²³.

В этих словах за императором признается только почетное первенство (*pulcherrimum decus*). Кассиодор не говорит, что император является единственным сувереном, вокруг него вращаются *ceteri dominantes*; император же заключает в себе только «что-то уникальное», возможно, что речь идет как раз о некоем образце. Кассиодор признает единство и единичность власти, но не империи. Есть только один тип цивилизованного правления, и его архетипом является император. Император предстает как источник, вдохновляющий других правителей, которые должны воспроизводить его как образец, созерцая его персону (*suspiciunt*)²⁴. Таким образом, королевская власть представляется не делегированием части императорских полномочий королю, а непосредственным следованием идеалам правления, выработанным империей на протяжении столетий. Так что, если Кассиодор хотел заявить о принадлежности Италии к империи, он мог бы выбрать для этого менее двусмысленную форму. И уж тем более он не говорил бы, продолжая то же письмо, о двух *respublicae*²⁵. Здесь позиция Кассиодора резко отличается от позиции, например, Авита, который от имени Сигизмунда обращается к императору: «*Patria nostra vester orbis est*»²⁶. Кассиодор остается в сфере философии, морали и методов управления, а Авит прямо говорит о географической принадлежности Бургундского королевства к империи.

Подводя некоторые итоги, заметим, что полностью понять смысл письма можно, лишь учитывая его связь с длительной философской и политической традицией, последователем и выразителем которой является Кассиодор. Королевская власть определяется не как функция, должность или сан, а как в первую очередь сумма необходимых «добродетелей», которые реализуются благодаря доброй воле короля, или, говоря словами Кассиодора, его *bonum propositum*.

²³ *Cassiod. Var. I. 1*: «*Vos enim estis regnorum pulcherrimum decus, vos totius orbis salutare praesidium, quos ceteri dominantes jure suspiciunt, quia in vobis singulare aliquid inesse cognoscunt, nos maxime qui divino auxilio in re publica vestra didicimus quemadmodum Romanis aequabiliter imperare possimus*».

²⁴ Глагол *suspiciunt* очень характерен для данного контекста. Форма и *exemplar / exemplum* часто соотносятся с идеей взгляда. См. приведенный выше фрагмент из Сенеки: «*ipsum intuebatur*». К этому можно добавить ссылку на Исидора Севильского: *Isid. Sent. II. 11*: «*qui sanctum virum imitatur quasi exemplar aliquod intuetur, seseque in illo, quasi in speculo perspicit, ut adiciat quod deesse virtutis agnoscit*».

²⁵ *Cassiod. Var. I. 1*: «*...quia pati vos non credimus inter utrasque res publicas, quarum semper unum corpus sub antiquis principibus fuisse declaratur, aliquid discordiae permanere*».

²⁶ *Avit. Ep. LXXXIII. 6*: «*Vester quidem est populus meus et plus me servire vobis quam illi praeesse delectat... Cumque gentem nostram videamur regere, non aliud nos quam milites vestros credimus... Per nos administratis remoratum spatia regionum, patria nostra vester orbis est...*». Remondon R. *La crise de l'Empire romain de Marc-Aurèle à Anastase*. P., 1964. P. 238.

Этот идеал уже воплощен в персоне императора, и прочим властителям следует лишь ориентироваться на уже имеющийся образец.

Следует специально отметить, что подобная концепция королевской власти, ставящая во главу угла добрую волю суверена, исключает в своем пределе всякую деонтологию власти. У короля больше не существует обязанностей, как нет обязанностей у Бога. Король не может потерпеть неудачу, его нельзя принудить сделать что-либо, так как он всегда действует по велению своего сердца. Понимая это, необходимо изучать «*Variae*» комплексно, как единое целое. Все предыдущие попытки были направлены на разделение формы, рассматриваемой как наследие делопроизводственной традиции императорской канцелярии Западной Римской империи, и содержания, т.е. исторических реалий остготской Италии. Этот подход не учитывает основной смысл «*Variae*», не каждого отдельно взятого документа, но всего произведения в целом, как его задумал автор, с тщательно продуманной композицией, отбором материала и т.д. Одно, два или три документа могли создаваться для того, чтобы воспроизвести официальный стиль императорской эпохи, но когда такое воспроизведение мы наблюдаем на протяжении сотен страниц, ясно, что это сознательный авторский выбор, определенным образом выстроенная система²⁷.

Можно предложить следующие интерпретации: или Кассиодор сознательно решил изображать Теодориха как императора, или же, желая представить Теодориха идеальным сувереном, он был вынужден создавать его по императорской модели, так как она представляла тогда собой единственно возможный и допустимый идеал правителя. Иначе говоря, Кассиодор не копировал напрямую императора. Обнаруживающееся сходство является результатом использования одной и той же модели, одного и того же, сложившегося за века существования греко-римской цивилизации, архетипа. Доказательством этому служат определенный схематизм и отсутствие индивидуальных черт в портрете Теодориха в «*Variae*». Король обладает всеми добродетелями, которые соответствуют его положению государя римлян. Оппозиция *Romani* и *gentes* или *barbari* заключается в оппозиции двух способов правления, и Теодорих должен соответствовать образу идеального правителя, который зависит от того, кем он правит. Теодорих есть то, что он есть не потому, что он является представителем императора, а потому, что он управляет римлянами. Кассиодор обращается к далекому прошлому, к эпохе принципата – монархии, соответствующей римским традициям и римскому духу. Легитимность Теодориха проистекает не из императорского назначения, а из следования типу правления, соответствующему национальному самосознанию римлян. Хронологически находясь уже за империей, с точки зрения политической философии мы оказываемся на стадии, предшествующей оформлению политической теории эпохи домината.

В письме к императору Анастасию Теодорих, как мы уже видели, говорит о себе скорее как об ученике императора, а не подданном: «...мы изучили (*didicimus*) образ правления римлянами согласно справедливости»²⁸. Используя пер-

²⁷ Ср. Уколова. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII века). М., 1989. С. 102–103.

²⁸ Мысль о том, что Теодорих является «учеником» императора (*didicimus*) воспроизводится дальше посредством «*qui quantum vos sequimur*». *Sequitur* передает идею ученика, который следует за своим наставником, который входит в его круг, «секту». Ср. обращение Лукреция к Эпикуру: «*Te sequor, o Graiae gentis decus*» (*De rerum natura*. III. 3).

фект, король как будто бы сам выдает себе диплом о соответствующем образовании. Заметим, впрочем, что глагол *discere* вводит в данном контексте платоновское представление о политической науке. Речь идет не об искусстве управления в целом, но об особых правилах этого искусства, которые имеют непосредственное отношение к управлению римлянами. Значение глагола *imprecare* часто оказывается довольно расплывчатым, но тем не менее вызывает в памяти образ императора. Искусство управления римлянами наиболее адекватно и полно представлено в слове *princeps*. Естественно, подробное исследование истории этого термина не входит в задачи данной статьи. Достаточно напомнить, что он служит для обозначения умеренной монархической формы правления, как в реальной императорской титулатуре, так и в политической философии императоров I в. н.э.²⁹ Став в конце концов собственно названием императорской магистратуры, он не теряет тем не менее своего непосредственного значения. Это относится прежде всего к тому, что для всех более или менее образованных людей он несет в себе напоминание о *De republica*. С другой стороны, он важен еще и потому, что является чисто римским термином, без каких-либо греческих эквивалентов. Однако с конца эпохи Поздней Римской империи в литературный обиход начало входить слово *rex* для обозначения императора. Таким образом, слова *rex* и *princeps* стали практически взаимозаменяемыми. Сам Кассиодор в комментарии к Псалму CIV использует возможности этой синонимии для варьирования способов передачи смысла³⁰.

Для времени правления Теодориха мы находим в «*Variarum*» практически единичные случаи употребления термина *rex* для обозначения короля. Чаще всего Кассиодор использует титул *princeps*. Статистические подсчеты в данном случае практически бесполезны, так как «*Variarum*» представляют собой послания, написанные от имени короля к его подданным или чиновникам. В этих документах Теодорих, естественно, пользуется формой первого лица множественного числа, и у него нет необходимости именовать себя по своему титулу в третьем лице. *Rex* и *princeps*, таким образом, могут использоваться только в литературных отступлениях, в которых король говорит вроде бы не о самом себе, а о своих функциях. Иными словами, речь идет о тех случаях, где мы не уверены, можно ли заменять *rex* или *princeps* местоимением *nos*, или же говорится о неких абстрактных *rex* и *princeps*. Для посланий в «*Variarum*», относящихся к царствованию Теодориха, мы имеем 57 примеров употребления слова *princeps* и 5 примеров *rex*. Кроме *princeps* в «*Variarum*» присутствует еще некоторое количество слов для обозначения короля, среди которых такие причастия, как *regnans*, *regens*, *dominans* и *imperans*, а также довольно употребительное существительное *dominus*. При этом вызывает сильное удивление, что в «*Variarum*» с их буйной, ничем не сдерживаемой литературной риторикой, так мало примеров обозначения короля через метафоры. Можно привести всего три таких примера: *libertatis dominus*, *libertatis defensor* и *parens publicus*³¹. Причем последнее выражение встречается в контексте, где говорится, что король должен приходить на помощь сиротам, т.е. оно употреблено фактически в буквальном смысле. Ни разу Кассиодор не назы-

²⁹ Шалимов О.А. Образ идеального правителя в Древнем Риме в середине I – начале II века н.э. М., 2000. С. 40–43; 60–61.

³⁰ Cassiod. Exp. Psalm. CIV. 20 // CC. P. 949: «Ipse et princeps pharaon quem superius regem dixit; sed propter gratiam locutionis verba variavit».

³¹ Cassiod. Var. III. 11; III. 43; IV. 42.

вает короля *pater*. Идея короля – отца своих подданных, – широко распространенная у последующих авторов, в «*Variae*» не встречается.

Внимание к фигуре правителя проявляется в «*Variae*» по-разному. Для Кассиодора это часто оказывается средством подчеркнуть политическую автономию Италии от Константинополя. Использование термина *princeps* для обозначения короля косвенно приравнивает Теодориха к императору. Кроме того, подобное словоупотребление указывает, что Кассиодор рассматривает королевскую власть в остготской Италии как магистратуру. С другой стороны, необходимо особо подчеркнуть сдержанность лексических средств, используемых для обозначения правителя во время царствования Теодориха, поскольку эта ситуация коренным образом изменится при его преемниках. В «*Variae*» мы насчитали девять прилагательных, относящихся к Теодориху непосредственно или косвенно, когда говорится об идеальном принце, воплощением которого он является: *beneficialis*, *benignus*, *bonus*, *continens*, *justus*, *moderatus*, *munificus*, *pious*, *providentissimus*³².

На самом деле, если составить перечень всех добродетелей, воплощением которых является король, то список получится впечатляющим. Нет ни одной традиционной императорской добродетели, которой не было бы у Теодориха. Сложность заключается в том, что отнюдь не всегда ясно, идет ли речь о личных достоинствах монарха или о титулах. Нам представляется, что для Кассиодора эти абстрактные понятия тем не менее не были чистой условностью, трафаретными штампами. Использование этих абстрактных понятий оказывается не просто данью административной стилистике, но в значительной мере способствует приданию образу монарха гармоничной и возвышенной завершенности, ассоциируя его с благодатным светом и представляя заступником униженных и обездоленных. Постоянные упоминания о *pietas* и *humanitas* короля кроме пропагандистских преследуют еще и другие цели. С их помощью средствами литературы вокруг короля создается атмосфера благородства и достоинства. Можно сказать, что изысканная риторика Кассиодора представляет собой нечто среднее между пропагандой и искусством. Она может сообщить о царствовании Теодориха не меньше, чем мифологические аллюзии и утонченные метафоры поэзии Клавдиана сообщают нам о времени правления Гонория.

При помощи нагнетания такого обилия высокопарных, возвышенных слов, активного использования синонимичных рядов автор приходит к исключительному многообразию возможностей субъективной подачи материала, к поразительной ловкости и подвижности в обсуждении всего фактического и к свободе замалчивать одни стороны фактического положения дел и наметать на другие, сомнительные, не утверждая ничего с полной ответственностью. Это сказывается в игре слов, понятий, в предпочтении, отдаваемом пышным, блестящим прилагательным и образам, в патетическом использовании анафоры³³.

Таким образом, в том, что касается Теодориха, за редким исключением речь идет скорее о добродетелях в собственном смысле слова, нежели о титулах. Это становится очевидным при рассмотрении контекста, в котором употребляются

³² *Beneficialis* (63. 18), *benignus* (30. 27; 51. 5), *bonus* (26. 34; 47. 10; 94. 16), *continens* (52. 7), *justus* (12. 20; 60. 29), *moderatus* (12. 20), *munificus* (66. 18), *pious* (21. 8), *providentissimus* (130. 5).

³³ *Casiod. Var. III. 44*: «*Quamvis primum sit laesos incolas refouere et in hominibus magis signum pietatis ostendere, tamen utrumque humanitatis nostra conjungit, ut et largitatis remedio civibus consulamus et ad cultum reducere antiqua moenia festinemus*».

отвлеченные понятия, в частности тогда, когда прямое значение слова подчеркивается метафорой. Только во время правления Аталариха появляется оборот «*regnum pietatis nostrae*»³⁴, что указывает на некоторую эволюцию. Создается впечатление, что при Теодорихе Кассиодор использует формулы типа *pietas postra* осмотрительно и тонко. Ведь в действительности употребляются конструкции с императорскими титулами, и их непосредственный перенос на Теодориха мог свидетельствовать о притязаниях остготского короля на императорское достоинство и расцениваться как антивизантийский акт. Сохраняя за словами их буквальное значение, Кассиодор, с одной стороны, защищал себя от обвинений в антивизантийских настроениях, а с другой, верно служил идеям остготской пропаганды, показывая короля в благоприятном и даже несколько интимном свете, рисуя его доступным для подданных, отвечающим их надеждам и чаяниям. При Аталарихе эти предосторожности постепенно становятся менее обязательными, так как остготская монархия, по крайней мере внешне, стала чувствовать себя более уверенно. Когда же Кассиодор хотел оставаться верным традиционному юридическому административному стилю, он легко пользуется только той терминологией, которая всегда применялась императорской канцелярией в переписке с *reges*. Кассиодор удачно оперирует ею в посланиях к Хлодвигу, Гундобаду, Тразамунду и другим. В этих документах никогда не появляется *princeps*, так же, как и титулатура типа *pietas vestra*³⁵.

Другая характерная черта словаря Кассиодора заключается в том, что автор избегает говорить о короле, используя абстрактные понятия, и употребляет обычно *nos* или *rex* или *princeps*, уточняя в каждом конкретном случае добродетель, обладание которой помогает королю разрешить ту или иную проблему государственного управления. Наряду с этим Кассиодор охотно использует такие слова, как *animus*, *mens*, *sensus*. Анализ сил, побуждающих власть действовать, оказывается, таким образом, чрезвычайно детализированным и утонченным. Королевская власть отрывается от реальной, земной действительности, приобретая идеальный, надвременной характер. Каждый поступок короля подвергается точнейшей рациональной разработке и риторическому усилению, соотносясь с конкретным элементом эмоционально-чувственной сферы (добродетелью) или сферы интеллектуальной деятельности, становящимися в данном контексте ипостасями короля. Является ли это просто формами речи? Или всего лишь обычными для поздней античности стилистическими приемами? Может быть. Впрочем, автор в конце концов достигал своей цели, и у читателя вследствие эффекта бесконечного повторения создается наглядный, чувственно очевидный образ благодетельной власти, основанной на разуме. Многочисленные примеры показывают, что манерность, напыщенность, высокопарность служат целям создания чувственной наглядности, картинности. Человек с его страстями отходит на второй план, скрываясь за *animus* или *iudicium*, воплощающих в себе короля. Де юре *princeps* Кассиодора всемогущ, но де факто он подчиняется требованиям разума. Теодорих сам провозглашает этот принцип устами своего квестора: «Хотя божественным соизволением в нашей власти делать все, что мы сами захотим, разум служит мерой нашего желания, чтобы хорошо зна-

³⁴ *Cassiod. Var. VIII. 6.*

³⁵ В письме к Герменефреду Теодорих говорит о *principalis ordo*, но применительно к самому себе (*Cassiod. Var. IV. 15*: «*destinavimus et nos quidem quae principalis ordo poscebat*»). В письме к Гундобаду упоминается *prudentia vestra* (*Ibid. I. 46*), но в «научном» контексте: Теодорих посылает бургундскому королю клепсидру.

ли, что мы выбираем то, что достойно всеобщего одобрения»³⁶. Это высказывание могло бы служить девизом остготской политической системы: абсолютная власть короля, ограниченная разумом и общественным мнением.

Идеал принцепса наиболее точно и полно выражается и обобщается в двух понятиях: *libertas* и *civilitas*. Значение этих слов почти одинаковое – уважение закона. Разница заключается в том, что *libertas* является понятием субъективным, это общее состояние всех тех, кто живет под просвещенной властью принцепса. *Civilitas*, напротив, скорее определяет положение короля по отношению к своим подданным. Их соотношение можно выразить следующим образом: *civilitas* короля гарантирует *libertas* его подданных. В то же время *civilitas* не является исключительно уделом короля и его чиновников. Понятие *civilitas* включает в себя также и уважительное отношение к праву среди рядовых граждан. В. Энслин блестяще проанализировал понятия *civilitas*, однако не выявил его связь с понятием *princeps*³⁷. Само слово *civilitas* довольно распространено в исторической и политической литературе поздней античности, однако у Кассиодора частота его употребления на порядок выше, чем у других поздних авторов, и, кроме того, его употребление имеет особый смысл. Примечательно, что упоминание о *civilitas* отсутствует в Кодексах Феодосия и Юстиниана³⁸. Таким образом, речь идет не о термине из юридической или административной практики позднего Рима. У Эннодия это понятие чаще всего встречается в Панегирике Теодориху, что дает основание считать *civilitas* одним из существенных элементов идеологии и пропаганды Остготского королевства³⁹. Добавим к этому, что *civilitas* встречается в письмах римского папы Геласия и в тексте Василия, префекта претория при Одоакре, который цитируется римским папой Симмахом⁴⁰.

В двух последних случаях, так же, как и под пером Кассиодора и Эннодия, *civilitas* означает уважение законов, а ее противоположностью выступает насилие⁴¹. *Civilitas* толковали довольно широко, особенно принимая во внимание исходный дуализм остготского правления, которое, по крайней мере вначале, основывалось на разделении военных – готов и гражданских – римлян. *Rex Gothorum* является *princeps* своих римских подданных в той мере, в какой он уважает *civilitas*. Так же, как и справедливость, *civilitas* представляет собой состояние, образ жизни достойный римлян, а не качество, присущее государю. Наконец, отметив частое употребление формулы *salva civilitate*, смысл которой заключается в том, что принятое решение не должно препятствовать нормальному функционированию законов, мы можем закончить обзор основных значений слова *civilitas*⁴².

³⁶ *Cassiod.* Var. I. 12: «quamquam potestati nostrae deo favente subiaceat omne quod volumus, voluntatem tamen nostram de ratione metimur, ut illud magis aestimemus elegisse quod cunctos dignum est approbare».

³⁷ *Ensslin.* Theoderich der Grosse. S. 217.

³⁸ См. *Gradenwitz O.* Heidelberger Index zum Theodosianus. В., 1925; *Mayr R.* Vocabularium Codicis Justiniani. Vol. 1–2. Hildesheim, 1965.

³⁹ Именно в это время слово *civilitas* приобретает собственно политическое значение, которого оно еще не имеет, например, при создании Сидонием литературного портрета Теодориха II.

⁴⁰ См. *MGH. AA.* XII. Ep. VIII. P. 391, 445.

⁴¹ *Cassiod.* Var. I. 32: «si vero senator civilitatis immemor quemquam ingenuum nefaria fecerit caede vexari...»; I. 43: «quorundam illicitis seditioibus civilitas turbabatur».

⁴² Этот оборот часто употребляется, когда речь идет о предоставлении королевского *tuitio*. Смысл заключается в том, что королевская защита не освобождает ее получателя от соблюдения законов, как это недвусмысленно уточняется в *Formula tuitiois* (*Cassiod.* Var. VII. 39).

Спектр этих значений простирается от простого уважения законов до утверждения всеобщего идеала цивилизованной жизни.

Таким образом, *civilitas* ограничивает королевскую власть, и Кассиодор понимает ее именно в этом ограничительном смысле. *Civilitas* не только характеризует метод управления сам по себе, но и подразумевает преемственность, верность прошлому и следование ему. Насколько слабыми были связи с Восточной Римской империей (хотя слабость этих связей не стоит абсолютизировать), настолько же настойчиво декларировалась преемственность с предыдущими императорами. Теодорих говорит о необходимости «вручить все в руки закона»⁴³. Неоднократно подчеркивается намерение короля следовать законам *veteres principes*⁴⁴. *Retro principes, veteres principes, priores principes* все эти выражения свидетельствуют о желании Теодориха вписаться в римскую императорскую традицию и соответствовать ей.

Именно в период правления Теодориха, и даже несколько позже, термин *principes* служит в «*Variae*» для указания на политический идеал Кассиодора. Если *principes* оказался более предпочтительным термином, чем *rex*, то этот выбор был, безусловно, соотнесен с идеалом, выраженным в *res publica*. Кассиодор еще находится в плену собственно античных представлений, сохранявшихся в общем-то до Григория Великого, согласно которым, с одной стороны – *res publica, libertas, Romani cives*, а с другой – *gentes, servi* или *subjecti*; с одной стороны – *principes*, с другой – *rex*. Для рождения идеала, соотносимого с собственно *rex*, необходимо, чтобы умерли идеи гражданства, политической свободы, образа правления, достойного римлян, вся римская система ценностей, воплощенная в *romanitas*.

Кассиодору, впрочем, были известны библейские или скорее экзегетические основания, необходимые для утверждения нового идеала. Неоднократно в его комментариях к псалмам он обращается к аллегорическим толкованиям термина *rex* в Священном Писании, согласно которым *rex* – это человек, который действует правильно и умеет управлять⁴⁵. Однако «*Expositio Psalmorum*» было написано Кассиодором после ухода в отставку и прекращения его политической карьеры. До этого все его усилия были направлены на то, чтобы вписать *Rex Gothorum* в столь дорогую для него римскую систему ценностей, которая ассоциировалась для него с цивилизованной жизнью. Для этого он превращает *rex* в *principes*. После него будут поступать как раз наоборот; начнут строить идеал политической системы, в центре которой будет фигура короля (*rex*). Тем не менее и у Кассиодора мы видим, как латинский язык постепенно начинает отражать и формировать новую реальность, в которой чаще, чем *principalis*, употребляются прилагательные *regius* и *regalis* и дается начальный импульс к появлению представлений об идеальной королевской власти и идеальном короле (*rex*) в тени принцепса.

⁴³ *Cassiod. Var.* III. 36: «ad leges cuncta remittere».

⁴⁴ *Ibid.* IV. 20, 35: «sacratissimae leges».

⁴⁵ См. Ps. 137. 4 // CC. 1239. 97: «Reges terrae sunt qui corporibus suis divinitatis munere dominantur. Nam ille rex vere non dicitur, qui vitiis servire monstratur». Политические идеи и культурные ориентиры Кассиодора в первой половине его жизни были чужды христианству. См. об этом интересные замечания П. Ламмы (*Lamma P. Cultura e vita nell'esperienza di Cassiodoro // Oriente e occidente nell'alto Medioevo. Padoue, 1968. P. 178*) и В.И. Уколовой (*Античное наследие... С. 97–98*).

ROMAN TRADITION OF THE IMAGE OF AN IDEAL RULER IN OSTROGOTHIC ITALY

P.P. Shkarenkov

The article deals with the formation of theoretical conditions for the royal power in Ostrogothic Italy on the basis of the material of «*Variae*» by Cassiodor, a prominent writer, statesmen and diplomat of the transitional period from antiquity to the Middle Ages. Cassiodor created a unique, idealistic image of the Ostrogothic kingdom as a natural successor of the Western Roman Empire. The article draws attention to the literal image contained in Cassiodor's works, which does not reflect the real way the Ostrogothic state worked. The king holds the central place within that image. In all King Theoderic's deeds Cassiodor finds devotion to a certain cultural and historical ideal. His actions illustrate his royal nature. He is the incarnation of the merits of an ideal sovereign and this is more important than his title of «*rex*». Cassiodor's ideas and images were greatly influenced by the Neo-Platonic classical political theory and philosophical tradition so popular during the decline of the Roman Empire.